

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. Кризис и безработица.
2. Домела Ньювенгауз.
3. По поводу статьи Р. Майнора.
4. Итальянский анархический Конгресс.
5. Большевизм и Анархо-Коммунизм.
6. Чему учит нас практика?
7. — „Литература и Жизнь — Дитя-буря.
8. „Самоопределение,“ национальностей.
9. Об объединении.
10. Ответ А. Голубенко.
11. „Отношение“ большевиков к анархистам.
12. Памяти Шварца.
14. К сведению товарищей.
15. Отчеты Федерации и т. д.

** ДУХ РАЗРУШАЮЩИЙ **
** ЕСТЬ **
** ДУХ СОЗИДАЮЩИЙ **

** ОТ КАЖДОГО ПО **
** СПОСОБНОСТЯМ, **
** КАЖДОМУ ПО **
** ПОТРЕБНОСТЯМ. **

ВОЛНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ АНАРХО - КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП.

№ 12-13

ЯНВАРЬ 1921 г.

Ц. 15 С.

КРИЗИС И БЕЗРАБОТИЦА

В далекие мрачные времена, когда люди не умели еще бороться против злой силы природы, когда не было еще тесной связи между человеческими обществами, вообще, — случалось, что некоторые местности на земном пространстве, населенные людьми, уничтожались или погибали вместе с людьми вследствие сильных и обильных ливней. Они, эти люди, не имели пищи и не могли раздобыть ее. Эти страшные голодные годы были самым ужасным периодом в человеческой истории. Как дикие звери, шатались и перекочевывали люди с одного места в другое в поисках за куском хлеба или другой пищи.

Медленно, упорно и тяжело работал че

ловеческий ум над многочисленными изобретениями, давшими ему возможность победить слепые силы природы. И много поколений людей работали усердно над развитием человеческого сознания. И теперь мы, наконец, достигли такого совершенства в жизни, когда мы не должны бояться больше голода. Продуктов в мире всегда есть в достаточном количестве, в изобилии. Связи человеческие, связи одной части света с другой, — настолько усовершенствованы в настоящее время, что мы, например, можем получать из самых отдаленных мест земного шара наилучшую пищу, без всякой порчи для последней. И не должно быть, поэтому, среди нас голодных людей. Но — увы! В нас

тоящее время число голодных и безработных все больше и больше увеличивается. Выброшенная из фабрик и заводов, безработная и голодная масса рабочих растет не по дням, а по часам. В одном только Нью-Йорке насчитывается более двух сот тысяч безработных! Тысячи и десятки тысяч безработных в других городах нашей „золотой“ страны. Что же это означает?

Это означает ничто иное, что ужасные голодные времена средних веков с страшной силой приближаются к нам. Это означает, выражаясь проще, что рабочим не достает хлеба, мяса, молока и других необходимых жизненных продуктов. И это в то время, когда вокруг нас столько богатства и роскоши! Когда магазины и рестораны наполнены в изобилии всевозможными съестными припасами.

Значительным фактором в этой общественной болезни, именуемой безработицей, является частое повторение этой последней. Почти через каждые 6-7 лет мы встречаемся с этой страшной, непрошеной гостью. Вспомним тяжелый кризис, пережитый этой страной в 1907 г. А кризис 1914 г? Кто из нас его не помнит? Это был один из тех ужасных общественных недугов, который не одну молодую рабочую жизнь унес в могилу. И теперь мы опять приближаемся лицом к лицу с новым кризисом, начинающим сильно развиваться в этой стране.

Разные господа из лагеря буржуазии, реформисты, политики, филантропы сильно заняты в настоящий момент изысканием средств против кризиса и безработицы. Они устраивают часто митинги, конференции и даже банкеты - балы, на которых много говорят и хорошо едят. Но дальше этого они, разумеется, не идут. Наши социалисты, заседающие в некоторых государственных учреждениях также озабочены изысканием лекарств против безработицы. Они готовят новые планы, новые проекты и вносят их в комиссию для рассмотрения, думая, что этим они выполняют свой гражданский

долг. Но только рабочие, эти непосредственные жертвы современной безработицы, молчат и ничего не предпринимают.

Неужели нет средств против растущей безработицы? Неужели нет исхода из создавшегося для рабочих тяжелого критического положения? Доколе мы будем терпеть эксплуатацию в то время, когда мы работаем и доколе мы будем молчать в то время, когда мы являемся безработными?

Почему приходят кризисы и безработица? Буржуазные экономисты всегда дают нам противоречивые ответы на этот вопрос. Но мы знаем, что каждые 6-7 лет наступает кризис, в результате которого масса рабочих вынуждена влачить полуголодное существование. В течение нескольких „хороших“, тучных годов мы создаем такое множество продуктов, такое изобилие съестных припасов, что нам потом приходится долго ждать, пока потребление этих продуктов доходит до минимума, чтобы затем снова приняться за работу и снова после этого быть выброшенным из фабрики новым наступающим кризисом.

Но мы, рабочие, должны найти средство против этих периодических кризисов. Мы должны поменьше производить. Мы должны уменьшить, сократить рабочий день. Этим мы дадим возможность широкой безработной массе рабочих приняться обратно за работу. Но вместе с тем, мы должны и организовать безработную массу! Мы должны организовать сильные рабочие организации таким образом, чтобы рабочие сами пользовались правом в производстве. Это и даст возможность всякому быть обеспеченным работой и, естественно, пропитанием. И тогда только мы сможем ослабить ужасное влияние безработицы. Производя меньше продуктов, мы сможем легче встретить безработицу, и, надеясь работой всякого отдельного рабочего, мы сможем также легко переносить и самый период безработицы.

Но все до сих пор сказанное является напоминанием будущего, но не теперешне

го времени. Безработный и голодный рабочий не может насытиться и жить грезами о будущем справедливом обществе! Ему необходимо сейчас, в данный момент, быть сытым, одетым и, вообще, жить сносно, по-человечески. И для таких есть только один путь: брать для себя и для семьи все необходимое для жизни. Пусть все голодные и нуждающиеся рабочие, организуются и общими силами возьмут все необходимое для себя. Пусть никто не страдает от голода, коль скоро есть изобилие продуктов! Пусть никто не дрожит от холода, коль скоро магазины переполнены одеждой и обувью, а склады достаточным припасом угля! Жить! — это высший и священный долг всякого человека!

Враги рабочих, капиталисты и их приспешники, те самые, которые всегда являются безработными, ничего полезного не производят, но, тем не менее, живут и пользуются всеми лучшими благами в жизни, — они стараются уверить нас, что частная собственность священна, неприкосновенна! И всякий, посягнувший на право священной собственности есть преступник. „Лучше умереть с голоду, нежели брать чужую собственность“ — вот что говорят нам капиталисты и их друзья. Но разве самоубийство не есть преступление? Разве безработные и голодные рабочие не портят свою жизнь, свое здоровье постоянным недоеданием? Разве голод не есть преступление? Отказать человеку в хлебе, в пище; отказать ребенку в молоке или матери в пропитании этого ребенка, — разве все это не есть преступление? Пусть

только наши „друзья“ однажды почувствуют острую боль нужды, голода и холода и они перестанут говорить о неприкосновенности и священности частной собственности! Кроме человеческой жизни, не может быть чего-либо, более священного! Жизнь, — это наилучший и наивысший дар человека! И с нашей точки зрения, рабочие, производящие все необходимое для жизни, более, чем кто либо другой, должны пользоваться всеми жизненными благами. Работают-ли рабочие, или не работают, — жить и питаться они должны всегда, при всех условиях! И, если современный общественный строй жизни устроен так, что он отказывает рабочим во всем необходимом, — то священный долг всякого из нас — брать самим все нужное нам. Капиталисты, а не рабочие, виновны в теперешней безработице, и, поэтому, рабочие не должны страдать от ужасных последствий этой болезни.

Кризис и безработица очень частые явления в нашем капиталистическом обществе. Для того, чтобы эти явления не повторялись каждые несколько лет,, необходима борьба не только за сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы, но и также борьба за достижение конечного идеала — свободного общества, в котором мы будем работать только в случае необходимости, а будем получать всегда необходимые продукты для жизни. И тогда только кризис и безработица прекратятся и мы заживем свободной и счастливой жизнью.

Л. Л—ев.

ДОМЕЛА НЬЮВЕНГАУЗ

(К годовщине смерти голландского анархиста.).

В то время, когда пришла весть о смерти Домелы Ньювенгауза, я был в Штутгар

те на конференции немецких синдикалистов. С чувством подобающей скорби делегаты приняли весть о смерти одного из лучших поборников свободного, безгосудар

ственного социализма. Моя личная скорбь была настолько тяжела и, почти, невыносива, что на время я чувствовал себя разбитым подавленным... Ибо, Д. Ньювенгауз был для меня не только учителем, но также и братом другом, с которым я имел самые лучшие, человеческие отношения.

Эт было в 1891 году, на Интернациональном Социалистическом конгрессе в Брюсселе, когда я впервые познакомился с — Ньювенгаузом. Понятно, что и до этого времени, его имя мне было уже знакомо, ибо социалистическая пресса в Германии очень много говорила и писала о нем, как известном социалистическом и революционном деятеле, чью смерть она теперь описывает в маленьком некрологе, занимаемом не более пяти строк. Я переживал в то время момент, когда юная, матежная душа ломает все преграды в жизни в уверенности, что приближающаяся народная буря принесет с собою победу нашему идеалу. И я отправился из Германии в Брюссель, на конгресс, чтобы иметь возможность ознакомиться с наиболее видными представителями Интернационального социализма.

Одним из важных пунктов в порядке дня на конгрессе был вопрос об отношении рабочего класса к милитаризму. Только не которые из делегатов поняли действительное значение этого важного вопроса, но никто не имел понятия о той катастрофе, которая через 24 года нахлынула, как кровавый потоп, на всю Европу. Д. Ньювенгауз выступил здесь с резолюцией, которая гласила: „Конгресс постановляет, что в случае объявления войны, социалисты всех стран объявят всеобщую генеральную стачку.“

Это предложение вызвало горячие споры. Против этой резолюции выступили, в особенности, представители Германской социал-демократии, во главе с Вильгельмом Либкнехтом. Они-то и стали сильно нападать на Ньювенгауза за его радикальные убеждения. Я переживал в то время внутреннюю, духовную бурю, — переход от со-

циал-демократа к свободному социалисту-анархисту, и горячие прения на конгрессе были последней нитью, удержавшей меня в старой пратии.— Конгресс отверг резолюцию, внесенную Ньювенгаузом, но за то принял резолюцию немецких социал-демократов, — резолюцию, которая явилась большим контрастом к резолюции, предложенной Голландскими делегатами.

В 1893 г., на Цюрихском конгрессе, повторилась та же история. Ньювенгауз и его друзья внесли резолюцию о том, что в случае войны рабочие всех стран должны объявить всеобщую забастовку; отказаться от приготовления военных надобностей (аммуниции) и не вступать в армию солдат. И представители от немецкой социал-демократии опять выступили против этой резолюции, с угрозой покинуть конгресс, если он примет подобную резолюцию. И те из нас, которые не перестают теперь говорить об измене немецких Шейдеманов, должны хорошенько ознакомиться с дебатами на Цюрихском конгрессе, и они узнают, что нельзя говорить об измене Германской социал-демократии, 1-го августа 1914 г., как о **неожиданном** явлении. Бебель, Либкнехт и Зингер давно уже указали путь таким, как Шейдеман, Давид и Носке, и последние сделали только то, что говорили первые.

1895 г., на Интернациональном конгрессе в Лондоне, я снова встретился с Ньювенгаузом; на этом же конгрессе я близко познакомился с ним. В течение 4-х лет он духовно сильно вырос. Благодаря его влиянию, большинство Голландских социал-демократов, принадлежавших к „Союзу социалистической деятельности. Это был большой удар для Голландских и Германских социалистов,—и против Ньювенгауза, чье имя всегда произносилось в Германии с уважением и любовью, стали выступать все партийные писаки.

Д. Ньювенгауз очень много сделал для социалистического движения вообще. Он

был первым борцом, пионером социализма в Голландии, и в течение 40 лет -- выдающийся, популярной личностью в этой стране. Его влияние в Интернациональном социалистическом движении было довольно значительно. Он обогатил социалистическую литературу несколькими трудами, и, как способный пропагандист наших идей, он не имел к себе равного. И если бы меня спросили, в чем, собственно, состояло действительное значение этого человека, я бы ответил: в его характере. Ньювенгауз, в своем характере и убеждениях, был сильным, непоколебимым человеком. Он, без боязни и страха перед своими друзьями и врагами, го

2

ворил и писал всегда то, что считал важным и необходимым для революционного движения. Он, вместе с тем, искренне служил своему идеалу, и в последние годы своей жизни жил в больших материальных лишениях. И только сердечная любовь и симпатии со стороны Голландского пролетариата спасли его от дальнейших страданий голода и нужды. Но, если сравнить хорошее, благополучное и сытое существование тех, которые в социал-демократическом движении достигли карьеры, пользуясь богатством и почетом, и, которые, по крайней мере, некоторые из них, всегда выливали помойную грязь на голову Ньювенгауза, у которого идеал был выше карьеры, -- тогда только можно понять все величие этого Голландского борца.

Домела Ньювенгауз родился 11-го января 1847 года в г. Амстердаме. Он -- сын зажиточных, богатых родителей. Он начал общественную жизнь в качестве священника в протестантской церкви. Учение Христа, в его чистом, кристальном виде, заинтересовало его. И, когда ему, 24-х летнему человеку, впервые пришлось выступить с проповедью, то, казалось, что он найдет в религии свое призвание. Но с течением времени, он пришел к выводу, что церковь -- это хлеб, клетка, где учение Христа, было извращено посредством теологических крючков и живых по

нятий. Так, понемногу, подвигался его духовный распад, который еще больше усилился, благодаря его ознакомлению с миром воссрещением социализма. И в 1878 г. Ньювенгауз навсегда распрощался с церковью и перешел в ряды социалистического движения. Идеи Маркса и Энгельса вначале сильно повлияли на него, и он долгое время пропагандировал социалистические идеи, будучи первым из социалистов в Голландии, кто ознакомил рабочих этой страны с идеями марксизма. Он в одно время был редактором социалистической газеты под названием „Право для всех.“ В 1886 г. он был приговорен к тюремному заключению на один год за оскорбление ее величества, Голландской королевы. Просидев свой срок в тюрьме, он вышел еще более крепким и убежденным борцом и был встречен своими друзьями и единомышленниками с радостью любовью.

В 1888 г. Ньювенгауз, как социал-демократ, был избран депутатом в парламент. Его работа здесь принесла ему другое разочарование в его жизни. Он должен был прийти к заключению, что парламентаризм не может быть смешан с действительной социалистической пропагандой, что, в конце концов, парламентаризм усыпляет революционное сознание рабочего класса и превращает социализм в чисто реформистское движение. И как только он пришел к этому логическому заключению, он тотчас же покинул парламент, точно также, как несколько лет назад оставил навсегда церковь. Так Ньювенгауз развивался, переходя, шаг за шагом, от религии к социализму, и от последнего к анархизму, идеи которого он неустанно пропагандировал в своей газете -- „Свободный Социалист.“

Д. Ньювенгауз -- способный писатель и журналист. Кроме своей автобиографической работы „От христианина к анархисту...“ он написал историю социализма в трех частях; биографию Бакунина, Кропоткина, Р. Оуэна, Сэрвэта; многочисленные статьи по вопросу о воспитании и т. д. Его две рабо

ты: „Социализм в опасности“ и „Банкротство Марксистизма“ принадлежат к лучшим произведениям в социалистической литературе. Помимо своей писательской деятельности, он часто выступал как умный и способный оратор.

В 1904 г. Ньювенгаузу удалось организовать, душой которого он был до конца своей жизни. Он лучше всех, чувствовал приближение мировой катастрофы, которую он старался предотвратить. Но, к великому при скорбию, он имел на своей стороне только незначительное меньшинство. И только теперь, после ужасной мировой бойни, поглотившей несколько миллионов человеческих жизней и принесяшей много страданий миллионам оставшихся в живых, — только теперь мы с достоинством можем ценить то крупное значение его, которое он имел для

нас и для нашего времени.

Ньювенгауз видел и чувствовал приближение Европейской войны, и мысль о том, что рабочие, в своей слепоте, не сумеют ее остановить, — доставляла ему много страданий. Я жил с ним вместе за последние восемь месяцев войны и я знаю, как тяжело отозвались на нем кровавые известия о военных действиях. Но он всегда оставался непоколебимым и преданным борцом за свои идеи и принципы, и даже в самый роковой час войны не изменил им ни на йоту.

Пусть же воспоминание об этом преданном деятеле рабочего движения даст нам новые и свежие силы для нашей дальнейшей борьбы против частной собственности, церкви и государства!

Р. Рокер.

(Пер. с еврейского Л. Липоткин).

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Р. МАЙНОРА

Когда я прочел статью Майнора „Я немного переменяю свое мнение, у меня невольно возник вопрос: сколько раз Майнору уже пришлось менять свои мнения? Вообще говоря, жаль человека, часто меняющего свои мнения... Неустойчивость во мнениях очень часто рисует человека нерешительного, безхарактерного...

Постараемся разобрать здесь статью Майнора по пунктам.

В 1-м пункте Майнор говорит: „Я думал, что в первые дни революции Ленин и его партия растворили свою марксистскую теорию в анархической тактике, в чем и нуждалась революция. Я думал, что свержение русского буржуазного правительства было в полной гармонии с анархической тактикой и резко противоречило марксистизму...“ Очевидно, Майнору хочется знать, кто играл глав-

ную роль в борьбе против буржуазного правительства Керенского: анархисты или большевики-марксисты? Но разве разгон Учредительного Собрания не является анархическим актом? Ведь согласно научному социализму, сторонниками которого и являются социал-демократы, как большевики, так и меньшевики, всякому экономическому развитию соответствует определенная форма общественной жизни. На основании такой теории меньшевики, например, говорят, что Россия „не доросла“ еще до социального переворота, долженствующего привести страну в социалистический рай. Большевики же, для достижения своей цели — свержения буржуазного правительства Керенского — употребили не свой научный или марксистский метод борьбы, но именно наш, анархический метод. И здесь, оказывается,

большевики были согласны с анархистами. Понятно, что для нас, анархистов, этот лозунг, лозунг совместной борьбы, совместной работы анархистов и большевиков — против общего врага, — должен быть только временным лозунгом, по крайней мере, до тех пор, пока большевики сами не делаются нашими врагами, врагами анархистов. Как только они, большевики, стигаются реальной силой, облеченной властью, мы порываем с ними окончательно совместную работу и борьбу, ибо имеющие власть являются для нас не революционерами, а реакционерами. И такими „революционерами“, а, по нашему мнению, реакционерами, Майнор именно и восхищается!

По мнению Майнора большевики не перенимали анархической тактики. Но здесь просто отрицается исторический факт, что только благодаря энергичной анархической агитации против Учредительного Собрания, большевики имели возможность разогнать последнее. И получив власть в свои руки, большевики черной данью поблагодарили анархистам. Преследования анархистов со стороны большевиков проявились особенно сильно в Москве, где анархисты пользовались большим влиянием. Аресты и вообще преследования анархистов в этом городе стали обычным явлением. После происшедшего столкновения, правительство народных комиссаров казнило около 90 человек.

Майнору почему-то кажется, что Маркс и Энгельс являются основателями безгосударственного коммунизма, но прямых указаний на такое утверждение он не дает. Но всем известно, что безгосударственность, безначалие, анархия — являются анархическими идеями, идеями, зародившимися не в головах отдельных людей, но в народных, угнетенных массах. Мы — безгосударственные коммунисты-анархисты говорим, что государство всегда является злом, ибо оно защищает капитал и собственность, а большевики-марксисты говорят, что государство

является в их руках хорошим орудием, ибо оно защищает государственную собственность.

Что говорит Майнор о „Коммунистическом манифесте?“ По его мнению выходит, что Маркс и Энгельс являются авторами и создателями „Коммунистического Манифеста.“ Но так ли это в действительности? Посмотрим.

Из работы т. Черкезова мы знаем, что экономические изложения „Манифеста“ были заимствованы Марксом-Энгельсом из Манифеста французского социолога Консидерана, носившего название „Принципы Социализма. Манифест демократии 19-го века“ и изданного в 1843 году. Достаточно прочесть и сравнить оба манифеста, чтобы убедиться, что не только взгляды Консидерана, но даже форма изложения заимствованы Марксом и Энгельсом из Манифеста французского социолога. Вот как умело „основатели“ научного социализма, смогли „обработать“ чужой труд!

Что касается программы „действий“ в „Коммунистическом Манифесте“, то, как это показал профессор Андлер, образцом послужила здесь программа тайных коммунистических обществ главным образом, французских и немецких, которые продолжали дело тайных обществ Бабефа и Буанороти.

Р. Майнор говорит, что он с удивлением узнал, что первый перевод „Коммунистического Манифеста“ был сделан М. Бакуниным, со взглядами которого он совсем не знаком. В особенности поразительно незнание Майнора относительно взглядов М. Бакунина на государство.

Я позволю привести здесь цитату, чтобы показать Майнору, какого мнения Бакунин был о государстве.

Вот что М. Бакунин писал о государстве: „В „Манифесте Международного Общества“, написанном Марксом в 1864 году, говорится, что пролетариат должен сосредоточить все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, возведенного

на степень господствующего сословия... Спрашиваются, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать? Значит останется еще и другой пролетариат, который будет подчинен этому новому господству, новому государству, на пример, хотя бы крестьянская чернь, не пользующаяся, как известно, благорасположением марксистов и, которая, находясь на низшей степени культуры, будет, вероятно, управляться городским и фабричным пролетариатом... Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления?.. Немцев, на пример, считают около 40 миллионов. Неужели все 40 миллионов будут членами правительства? Весь народ будет управляющим, а управляемых не будет. Тогда не будет и правительства, не будет государства, а, если будет государство, то будут управляемые будут рабы.

„Эта дилема в теории марксистов решается просто. Под управлением народным они понимают управление народа посредством не большого числа представителей, избранных народом. Всеобщее и поголовное право избирательства целым народом так называемых народных представителей и правителей государства — вот последнее слово марксистов, так же, как и демократической школы — ложь, за которую кроется деспотизм управляющего меньшинства, ложь, тем более опасная, что она является как бы выражением мнимой народной воли.

„Итак, с какой точки зрения не посмотреть на этот вопрос, — приходишь все к тому же печальному результату, — к управлению огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, лишь только они сделаются правителями или представителями народа, как перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернокопый мир с высоты государственной; они будут представлять уже не народ, а себя

и свои притязания на управление народом. Кто может усумниться в этом, тот совсем не знаком с природою человека.“

А вот что М. Бакунин писал о диктатуре пролетариата.

„Между революционной диктатурой и государственностью вся разница состоит только во внешней обстановке. В сущности же, они представляют обе одно и тоже управление большинства меньшинством во имя мнимой глупости первого и мнимого ума последнего. — Никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя. Она способна породить и воспитать в народе, сносящем ее, только рабство. Свобода может быть создана только свободой, т. е. все народным восстанием и вольной организацией рабочих масс снизу вверх.“

Из приведенных можно цитат из произведений Бакунина, видно, что он выработал по вопросу о государстве определенное мировоззрение, с которым Р. Майнор совершенно не знаком.

Что касается утверждения Р. Майнора, что понятия власти у Кропоткина трудно переварить, трудно понять, — то, кто же этому виною, если не сам Майнор, страдающий, видно, от умственной непереварки...

До сих пор мы говорили о первом пункте статьи Р. Майнора. Перейдем теперь к следующему пункту.

Во втором пункте Р. Майнор говорит так: „Я думал, что, добившись главной своей цели, успешным применением анархической тактики, Ленин и Троцкий стали постепенно применять свои старые социал-демократические привычки: они стали отказываться от своих анархических взглядов, которыми они с большим энтузиазмом и успехом пользовались вначале разрушения буржуазного правительства России и сохранили свою силу при помощи занятия позиций, предначертанных марксистской теорией понимания мира и борющихся в нем классов.“ Далее Майнор замечает, что, если бы большевики не имели организованной и стро

го дисциплинированной армии, контролируемой центром, то Россией давно управляли бы контр-революционеры типа, Колчака, Юденича, Пильсудского и т. д.“

Но разве против этих и других контр-революционных сил выступали и боролись только большевики, а не весь российский пролетариат? Разве красная армия состоит из одних только большевиков? И, если контр-революционные силы были уничтожены, то главную роль здесь играл не центр, а вся широкая трудящаяся масса в России, рабочие и крестьяне, не допустившая разгрома Революционной России.

Далее, мы знаем, что, если бы Россия не была столь великой страной в географическом смысле слова, то ее постигла бы та же участь, что и Австро-Венгрия или, вообще, мелкие государства. Ведь еще Ллойд Джордж однажды заявил в английском парламенте, что „мы можем вторгнуться в пределы России, но мы не сможем выбраться оттуда.“ — Ллойд Джордж, как опытный политикан и дипломат прекрасно знает, что даже Наполеону было трудно победить Россию. После того, как Наполеон, более сотни лет тому назад, победил почти всю Европу, он направил свои силы на Москву. И что же? Победил-ли он Россию? Нет! — Наполеон был побит в Москве! Утверждения Р. Майнор, что Россия была бы побеждена контр-революционными силами, если бы не было центра, ни на чем не основаны и не выдерживают, поэтому, критики.

Что касается Шатова, о котором Р. Майнор говорит, что, когда он приехал в Россию, он встретил на посту одного только анархиста, и это был Шатов, — как начальник полиции, — то не приходится здесь особенно удивляться, ибо в то время, когда Шатов боролся вместе с анархистами, то последние всегда соглашались с ним и приветствовали его, но, когда он сделался чиновником и выступил против анархистов, то все его бывшие товарищи с презрением отвернулись от него.

Перейдем теперь к третьему пункту разбираемой статьи.

Р. Майнор здесь говорит: „Я думал, что узурпацией железной центральной власти и подрывом власти вначале не вполне автономных местных советов большевики в конце концов не уничтожили завоевания революции и подорвали единственную надежду на введение действительного коммунизма в России.“

Мы, анархисты, не сомневаемся в этом, мы умерены, что до тех пор, пока революционной Россией будет управлять кучка контр-революционеров именуемая себя „диктатурой пролетариата,“ в России не будет действительного, т. е. свободного коммунизма, ибо свободный, безгосударственный коммунизм предполагает отсутствие всякой власти. Мы говорим, что трудящиеся массы должны жить не согласно предписаниям законов и власти, откуда они бы не исходили, а согласно своим нуждам и потребностям, вытекающим из свободной, ничем и ни кем не сгнетаемой, жизни, идущей снизу вверх.

В четвертом пункте Р. Майнор говорит так: „я думал, что путь компромиссов, начавшийся со дня заключения Брест-Литовского мира неизбежно приведет к уничтожению в первоначальной форме индустриально автономных советов и к созданию полицейской бюрократии; к введению обязательной военной повинности; к отмене свободы печати; к подавлению революционных анархических организаций и к заключению мирных соглашений с буржуазией некоторых стран.“

Но разве, на деле, это не так? Разве шатающийся, коммунистический путь, на который вступили большевистские лидеры, управляющие Россией, не заставил большевиков, с одной стороны, сделать известные concessions и уступки буржуазии, а, с другой — уничтожить анархические организации?

Р. Майнор проводит параллель между сторонниками диктатуры пролетариата — большевиками-коммунистами и ее противниками — анархо-коммунистами. Вместе с сторонниками диктатуры он заявляет, что „дик

татура пролетариата есть необходимая переходная форма управления.“ Но это утверждение очень старое и основано, главным образом, на необходимом желании большевиков управлять страной. Не надо забывать то, что революция в России внесла в жизнь совершенно новые понятия социального устройства. Революция началась по-анархически, и она пошла по анархическому пути. Но здесь она была приостановлена враждебными силами...

Мы, анархисты, против всякой диктатуры и за самостоятельность массы. Не кучка кабинетных господ принесет нам свободу, но сам народ сможет себя окончательно освободить. Мы против центральной власти и за свободные, федерирующие между собою коммуны.

В пятом пункте Р. Майнор говорит: „я думал, что революция превратилась в мертвечину государственного социализма, печально напоминающего буржуазные правительства мира, с которыми она ничего общего не имеет, и что иностранный капитал не пойдет навстречу предложениям и соглашениям со стороны большевистского правительства.

Теперешняя внешняя политика большевистского государства указывает нам, что, для того чтобы остаться у власти, для того чтобы сохранить ее силы и могущество большевикам приходится сделать много уступок своим внешним врагам, об уничтожении которых большевики теперь уже больше не говорят. И если иностранному капиталу будут выгодны торговые сношения с Россией, то это будет, благодаря умеренной политике большевиков, дающей всемирной буржуазии возможность познакомиться у большевистского стола.

В одном месте, Р. Майнор говорит, что М. Бакунин отрицает всякую науку и всегда предается туманным понятиям метафизики. Но знаком ли Р. Майнор вообще с наукой? Знаком ли он, в частности, со всеми произведениями Бакунина? Знает ли он, что

Бакунин говорит о науке в своем произведении „Бог и Государство?“

Вот что говорится, между прочим, в этом произведении:

„Существует класс людей, которые, если не верят в науку, то должны, по крайней мере делать вид, что верят. К этому классу принадлежат все мучители, все угнетатели и эксплуататоры человечества: священники, монархи, государственные люди, патентованные ученые; финансисты, чиновники всех рангов, солдаты, полицейские, жандармы, тюремщики и палачи; монополисты, капиталисты, сборщики податей, подрядчики и домовладельцы; адвокаты, политики и экономисты всех оттенков, кончая купцами и мелкими торговцами. Все они в унисон повторяют слова Вольтера: „Еслибы Бога не было, то его надо было бы выдумать,“ потому что, видите ли, народ должен иметь религию, веру. Это предохранительный клапан.“

„Существует, наконец, довольно многочисленный класс честных, но робких душ, которые слишком интеллигентны для того, чтобы серьезно принять все христианские догматы, но, отвергая в подробностях, они не имеют достаточного мужества и решимости целиком выбросить их за борт. Они позволяют вам критиковать вопиющие нелепости науки и религии, вместе с вами подтрунивают над чудесами, но отчаянно цепляются за главный абсурд, источник всех других абсурдов, за чудо, объясняющее и оправдывающее все другие чудеса, — существование Бога. Их Бог — не сильное, могущественное существо, не — совершенный определенный Бог теологии, а туманное призрачное существо, которое исчезает и обращается в ничто при первой попытке опереться на него; это мираж, блуждающий огонек, который не светит и не греет. Но они крепко держатся за него и верят, что если он исчезнет и все исчезнет вместе с ним. Это колеблющиеся, анемичные души, заблудившиеся в современной науке, не принадлежащие

ни к настоящему, ни к будущему; это — бледные призраки, вечно висящие между небом и землею, между политикой буржуазии и социализмом пролетариата. У них нет ни энергии, ни желания, ни решимости следовать своим мыслям, и они теряют попусту время в постоянных мучительных усилиях примирить непримиримое. В общественной жизни они известны под именем буржуа-социалистов, демократов, конституционалистов и т. д. Не стоит терять времени на полемику с этими „учеными друзьями“ — это друзья, которые никому не нужны, и враги, которые никому не страшны.“

Но, видно, что Р. Майнору не очень то понравились воззрения Бакунина вообще, его воззрения на государство, религию, науку, социалистов-государственников и т. д. И он, поэтому обходит молчанием творческую работу М. Бакунина.

В шестом, и последнем, пункте Р. Майнор говорит: „я думал что русская государственная бюрократия и армия, находящаяся под командой старых царских офицеров и более дисциплинированная, чем какая либо другая армия, — навяжут русским рабочим и крестьянам соглашения и договоры, заключенные с иностранным капиталом и, таким образом, положат конец всем завоеваниям русской революции.“

Мы же раньше указывали на то, что завоевания русской революции, свободы и права, далеко не полные и действительные завоевания. И расходясь, вообще, с Р. Майнором в принципиальных вопросах, мы не станем повторять того, что уже было сказано нами выше.

Далее, заслуживает внимания его мнение о 3-ем Интернационале. Мы того мнения, в противоположность мнению Р. Майнора, что никакой Интернационал не сможет освободить рабочих всего мира от ига капитала и власти. Что дали нам первые два Интернационала? Принесли ли они освобождение трудящемуся, угнетенному человечеству? Посмотрим.

1-й Интернационал, организованный в 1864 г., просуществовал несколько лет, не сделав ничего путного для рабочих. Наоборот: он допустил позорное потопление в крови Парижской Коммуны 1871 г., а также и испанскую революцию. Уже с первых лет своего существования в 1-м Интернационале стал замечаться раскол, который впоследствии привел к образованию двух течений: социал-демократического и анархо-коммунистического.

2-й Интернационал, как всем известно, допустил позорную Европейскую войну. Этот Интернационал, основанный на ложной платформе — сотрудничества враждебных классов — государства, буржуазии и пролетариата, — не был в силе остановить или предотвратить всеобщую человеческую резню.

Что касается 3-его Интернационала, то мы можем только сказать, что он представляет только тех, чьи мнения согласуются с мнениями большевиков-коммунистов, но он не может быть признан теми элементами в современном революционном движении, которые борются против всякой формы власти и против гегемонии — политической и экономической — всякой партии.

В заключение своей статьи Р. Майнор говорит о Махно, который имел 75-ую армию, но, тем не менее, бездействовал на южном фронте.

Махно, как убежденный анархист, много сделал для революции в России. Он своими небольшими партизанскими отрядами наносил своим врагам большие удары. Он изгнал немцев из одного места, из которого большевики со своей красной армией не могли их изгнать. Он разделил свою партизанскую армию на части и, таким образом, наносил сильные удары немцам, которых окончательно и разбил. Махно пользовался славой и любовью со стороны всех знавших его. Но большевики не потерпели этого анархиста-повстанца. Красноармейцы однажды

окружили его, и некоторые партизанские отряды были разбиты.

В борьбе против Деникина, партизанские отряды Махно всегда помогали красным армейцам. Понятно, что большой, многочисленной армии у Махно никогда не было. Всех партизанские отряды насчитывали не

более десяти тысяч человек. Но откуда Р. Майнору известно, что армия Махно состояла из 75 тысяч, — остается неизвестностью для всех, в том числе и самого Р. Майнора.

Да, жаль человека, часто меняющего свое мнение...

Белый.

ИТАЛЬЯНСКИ АНАРХИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Анархический конгресс, недавно состоявшийся в Италии, является, несомненно, отрядным явлением и приобретает крупное значение, благодаря важным событиям, в настоящий момент разыгрывающимся в Италии.

Конгресс состоялся в Болоньи и продолжался 4 дня. Он был представлен тремястами делегатов от 182 городов, что лучше всего показывает, насколько идеи анархизма широко распространены в этой стране и как, вообще, сильно наше движение. Несмотря на то, что конгрессу пришлось заняться обсуждением теоретических вопросов, он, тем не менее, уделил много внимания и времени на разработку и практических вопросов. Это также доказывает, что анархизм — не абстрактная, отвлеченная идея, которая говорит только о революции, в чем упрекали ее наши противники, но он является активной практической силой, учитывающей момент и принимающей надлежащее участие в современном революционном движении некоторых стран.

Вопросы, которые всего больше интересовали наших итальянских товарищей на конгрессе, были: принципы организации всех итальянских анархистов-коммунистов в одну Федерацию; отношение к революцион-

ным рабочим организациям; отношение к рабочему движению вообще и отношение к советам.

Дадим здесь краткий отчет о всей работе конгресса.

Первый день заседания: товарищ Сартини открывает съезд от имени анархического союза в Болоньи. Товарищ Тавиз читает доклад о конференции, состоявшейся в Генуе, между анархистами, синдикалистами, социалистами и некоторыми представителями от профессиональных организаций. Задачи этой конференции: совместное действие и бойкот против Венгрии за ее позорное, кровавое подавление революции; защита русской революции и принятие мер против возможной войны с Албанией. Центром всеобщего внимания является известный неутомимый борец, Э. Малатеста, который произносит довольно длинную речь, в которой призывает народ к экспроприации капиталов и земли и к уничтожению всякой власти. Этого можно достичь только неустанной организационной работой среди широких масс народа и посредством мирной или насильственной революции, направленной против правительства и имущих классов.

Второй день заседания: съезд открывается чтением доклада „о едином фронте“

Этот доклад вызывает большие разногласия. Дебатантами выступают Виноцци, Рафаллини и Малатеста. Принимается следующая резолюция:

„Конгресс постановляет образовать небольшие активные группы вне существующих политических партий и организаций для борьбы против всех современных институтов рабства и насилия.“

В другой принятой резолюции говорится, что из всех рабочих организаций итальянский анархистический союз является единственной организацией, имеющей радикальную программу, и рабочие призываются объявить себя солидарными с этим союзом и во всем помогать ему.

Третий день заседания: дебатировются вопросы: Советы, участие в профессиональном движении и пресса. Принимается резолюция о советах.

„Конгресс того мнения, что фабричные советы являются важными органами в деле приближающейся революции и в технической работе, во время захвата народом индустрии на другой день после совершившейся революции. Конгресс признает за рабочими советами способность организовать всех умственно и физически трудящихся рабочих в духе анархического коммунизма.“

Четвертый день заседания: Конгресс открывается обсуждением вопроса об интернациональной связи. Докладчиком выступает тов. Манзоги. Он указывает на необходимость связи с другими народами, в особенности теперь в переживаемый нами важный момент. Тов. Манзоги высказывается против вступления в 3-й Интернационал. Он призывает всех анархистов к организации Анархического Интернационала. Но теперь, принимая во внимание важный исторический момент, надо объединиться с левыми элементами, находящимися в 3-м Интернационале. В таком же смысле высказывается и другой оратор, тов. Винацци. И после обсуждения некоторых наименее важных вопросов, конгресс закрывается.

В этот последний день заседания, Конгресс принял следующие резолюции: о русской революции, о 3-ем Интернационале, об Анархическом Интернационале и о Советах.

Резолюция о русской революции: „Конгресс приветствует русскую революцию, являющуюся новым этапом в развитии революционной борьбы трудящихся масс. Конгресс протестует против всех попыток насильственного господства над русской революцией, предпринятых интернациональной буржуазией, и выражает свою полную солидарность со всеми активными протестами и движениями против попыток уничтожить советскую революцию.“

Резолюция о 3-ем Интернационале: Конгресс видит в 3-ем Интернационале одне только тенденции и желания, нежели нечто реально-существующее. Об этом Интернационале, руководимом русскими большевиками-коммунистами, имеются неопределенные и противоречивые сведения, чтобы можно было высказать окончательное мнение о нем. Но все известное до сих пор наводит на мысль, что Московский Интернационал вдохновлен идеями власти и односторонней политической тактикой государственных коммунистов, что делает невозможным присоединение к нему анархистов.“

Резолюция об Анархическом Интернационале: „Конгресс приветствует идею Интернациональной Анархической Федерации, основанной на принципах, выработанных в 1907 г., в Амстердаме. Итальянский Анархический Союз, от имени Конгресса, приглашается к работе изучения вопроса о тесном сношении с товарищами других стран для подготовки, в ближайшем будущем, международного Анархического съезда и основания анархического Интернационала, главной целью которого будет обеспечение победы безгосударственного коммунизма во всем мире.“

Резолюция о советах: „Конгресс не придает революционного значения советам,

учрежденным по образцу буржуазного режима. Работа советов — создать искусственным образом будущий революционный порядок — является анти-революционной и утопичной, ибо создавшийся новый режим явится результатом новых создавшихся экономических и социальных соотношений на базисе, или фундаменте, свободного разви-

тия революционной энергии самого народа. Но, если советы являются результатом революционного восстания народа, то долг каждого анархиста присоединиться к ним, дабы защищать в них идеи автономной, децентрализованной жизни. народа.“

Пер. Л. Липоткин
(„Воркерс Френд“, сентябрь 1920)

БОЛЬШЕВИЗМ И АНАРХО-КОММУНИЗМ

Большевистское направление в Российской социал - демократии, русскому пролетариату было знакомо еще во время революции 1905 году. Тогда оно составляло левое крыло, а правое носило название — меньшевистское. Разница между этими направлениями состояла только в некоторых тактических приемах. Большевики даже после того, когда им открылась возможность войти в государственную думу, не удовлетворились легальной борьбой и бойкотировали выборы в первую думу. Но после разгона первой государственной думы и провозглашения новых выборов, они стали принимать участие в выборах с тем убеждением, что они используют государственную думу, как агитационную трибуну, а вне ее будут продолжать нелегальную борьбу против царизма. Их лозунг был: „Демократическая республика по примеру западно-европейских республик.“ Меньшевики, напротив, думали достичь своих политических прав законным путем, через свою деятельность в государственной думе. Значит, никакой принципиальной разницы между этими двумя партиями не было: как для одной так и для другой буржуазная демократия была тот путь, по которому беспрепятственно развиваются отношения производительных сил, совершится централизация капитала и, наконец, капитализм — умрет естественной смертью, уступив место социализму. С этим убеждением была свя-

зана минимальная программа — непоколебимая связь большевиков и меньшевиков.

Так и теперь, меньшевики остались верными этому своему убеждению, унаследованному от своих учителей. Большевики же несколько изменили свое мышление. Они говорят, что они отбросили минимальную программу. Но это еще не главное.... А Ленин, например, заявляет, что большевики в принципе против всякого государственного политического аппарата. Демократия и социал-демократия в его глазах — реакционные понятия. Далее, большевики, вместо своего обожаемого принципа „каждому по его заслугам,“ приняли принцип анархо-коммунистов „от каждого по его способностям и каждому по его потребностям.“ (До своей эволюции большевики были душой и телом против этой формулы анархистов-коммунистов, называя ее утопией.) По некоторым рассуждениям Ленина и других большевистских теоретиков настоящего времени, кажется, что будто Ленин и вся большевистская партия сильно приблизились к анархизму. Но всушности это далеко не так! Видны лишь фразы и противоречие. Например: социальную революцию они понимают не в насильственном превращении частной собственности в коммунистическую революционными массами снизу, а в так называемой „диктатуре пролетариата“, вернее в своем большевистском правительстве, говоря рабо-

чим, что правительство необходимо для закрепления завоеваний революции в переходный момент от капитализма к коммунизму. Как долго может тянуться этот переходный момент и когда, по их мнению, могут быть закреплены коммунистические завоевания, они не в состоянии сказать: и никогда этого не скажут, так как никогда не дождутся такого времени, когда все будут думать так, как правится большевикам. Мечом и расстрелами революционеров, да тюрьмами не заставишь всех повиноваться им и ждать манны небесной. А поэтому, большевики всегда найдут причину управлять и подавлять, как и теперь это делается большевистским правительством. Лозунг „от каждого по способностям и каждому по потребностям“ есть логическое следствие анархического коммунизма. И если вы, большевики, не хотите злоупотреблять этим лозунгом, называя себя коммунистами, так прекратите свои нападки на анархистов-коммунистов. Наш долг сказать вам: „Руки прочь, долой криводушие и лицемерие!“

Большевики перед захватом власти, во время борьбы против царизма и правительств Львова, Гучкова и Керенского, проповедывали социальную революцию, коммунизм и свободу. А теперь все это откладывается на задний план. Таким образом в глазах рабочих и крестьян они превратились в посредников между капиталом и трудом, очутившись в роли прокуроров, законников и судей.

По словам Н. Ленина социальная революция должна быть делом диктатуры пролетариата, т. е. делом большевистского правительства. Однако, в данное время, по его словам она не возможна даже сверху вниз, так как мировой пролетариат еще не готов, не созрел к этому перевороту.

Значит, между Лениным и меньшевиками в вопросе о социальной революции — разница только в мотивах. Меньшевики не хотят в данное время социальной революции вследствие слабого развития капитализма,

Вообще, большевизм — не особая теория, где все ясно, определено, но он полон противоречий.

Все те аргументы против демократии и социал-демократии суть только фразы, которыми большевики отмежевывают себя от тех социал-демократов и марксистов, которые не согласны с их практикой. Большевики, например, против всякого государственного аппарата, находя в нем орудие угнетения. Государственный аппарат им опять таки необходим, как распределяющий орган производства и размена, т. е. им необходим такой центральный институт власти, который будет занят изданием приказов: производить в такой-то местности столько-то и представить такое-то количество продуктов и товаров туда-то и туда-то. А это есть правительство. Оно противоречит им же воспринятому от анархистов-коммунистов принципу „от каждого по способностям и каждому по потребностям.“ Если какой-нибудь центр в Москве, Париже или Нью-Йорке будет определять способности и потребности отдельных коммун, разбросанных по всему земному шару, то тогда уже нельзя сказать от каждого по его способностям. В таком случае это только злоупотребление данным принципом. Единственно, что только анархический коммунизм соответствует этому лозунгу, т. е. коммунизм состоящий из вполне свободных, автономных, производительных и потребительных коммун. Такие коммуны в силу естественной необходимости будут объединяться постольку, поскольку каждая из этих автономных частиц будет заинтересована в этом. Центры же только чисто технического характера возникают лишь по необходимости, но не следует возводить их в принцип или цель правительственного института. Таков в кратких чертах наш коммунизм, формулированный лозунгом: „от каждого по его способностям, каждому по его потребностям.“

Чему учит нас практика.

(Страничка из истории русского рабочего движения в Америке).

В 1911 году, в одном из больших городов Соединенных Штатов Америки была основана рабочая организация — „Союз Русских Рабочих.“ С течением времени такие организации стали появляться и в некоторых других городах, так что к 1913 году, ко времени 1-го с'езда С. Р. Р., насчитывалось несколько десятков организаций, объединившихся в Федерацию С. Р. Р. С. — Ш. и К. В начале Союза Р. Рабочих были организациями партийными. В своем большинстве, членами союзов были рабочие и крестьяне, русские выходцы, исповедывающие различные идеи, но сознавшие святую обязанность борьбы с общими врагами — капиталом и властью. И вся работа этих союзов состояла, главным образом, в духовном, сознательном развитии членов и в подготовке хороших работников для будущей социальной революции.

После революции в России, в марте 1917 года, когда кровавое самодержавие было уничтожено поднявшимся революционным народом, — жизнь русской рабочей колонии начинает бить сильным, жизнерадостным ключом: масса рабочих и крестьян, масса, доселе не принимавшая никакого участия в рабочих организациях — эта масса начала целыми десятками вступать в рабочие организации. Разбуженная и воодушевленная Российской революцией, эта масса рабочих жаждала нового свежего, революционного слова. Особенно влиянием и успехом пользовались организации Союзов Русских Рабочих. И по мере того, как эти организации стали количественно увеличиваться; по мере того, как они начали широко развиваться, — в их рядах, прежде безпартийных, начинают обнаруживаться определенные, выработанные понятия и

взгляды на борьбу и тактику достижения нашей конечной цели. Короче говоря, безпартийная физиономия С. Р. Р. получает вполне определенный анархо-коммунистический облик. И с течением времени, после целого ряда митингов, лекций, дискуссий и т. д., принесших собою много пользы, — союзы, с одной стороны, начинают сильно увеличиваться, так что к осени 1919 года Федерация насчитывает около 12.000 членов, а, с другой стороны, в их руках появляется значительная часть сознательных работников.

Широко развивавшаяся просветительно-революционная деятельность союзов Р. Р. не пришлась, понятно, по душе американским властям, и для уничтожения крамольных радикалов-анархистов, индустриалистов, большевиков, американское правительство назначило целую свору „блустителей“, во главе с популярным Палмером. Эти „блустители“, поддерживаемые черносотенной шайкой американских легионеров, вскоре показали свое настоящее лицо: врываясь, как пьяные бандиты, в рабочие помещения, они громили и уничтожали все попадавшееся им на пути: мебель, литературу, письменные принадлежности, не останавливаясь и перед избиениями и поранениями многих товарищей — членов рабочих организаций. Но напрасны были дикие попытки наших врагов: они не уничтожили рабочего движения, и идеи, зародившиеся в этом движении, остались целыми, невредимыми.

Уже в начале текущего года возникает потребность в сплочении и организации разгромленных сил. Мысль о дальнейшей работе была первой задачей собравшихся на конференции товарищей. После разбора событий в таких странах, как Россия, Италия и Испания, где революционное и анархическое движение очень сильно развито, было ре-

шено приступить к организации анархических групп не только среди русской рабочей колонии, но также и среди рабочих других национальностей, зная, что только общими силами всех угнетенных можно сломить упорство и силы общего врага. На этой конференции был поднят и решен и другой вопрос — вопрос об издании анархо-коммунистического органа. Товарищи делегаты пришли к единому согласному решению: издать ежемесячный анархический орган, каковой и выходит по настоящее время.

В конце апреля 1920 года состоялся первый съезд Анархо-Коммунистических групп С. - Ш. и К., положивший основание Федерации А.-К. Г. и признавший „Волну“ своим органом. И в настоящее время этот орган вполне удовлетворяет духовным запросам нашей Федерации.

Но что же дальше? Все-ли мы поддерживаем наш орган? Все-ли мы согласны в ведении нашей анархической работы? Все-ли товарищи пошли по избранному нами трудному, тернистому пути? Где наша передовая анархическая интеллигенция? Куда она ушла? Куда ушли те немногие наши работники, которые, до разгрома черной реакции, призывали нас сплотиться под знамя анархизма? Куда они ушли? В подполье? О, нет! Они выбрали для себя более лучшее и, главное, обеспеченное место! Они нашли убежище в хороших, лояльных, законных организациях! И под сенью, под защитой тех законов, против которых они „в былые дни“ сами восставали, они в настоящее время развивают там свою „весьма полезную“ деятельность. И под защитой же худшего врага рабочих, г. Палмера, „бывшие товарищи“ приступили к изданию ежедневной газеты „Американские Известия.“ „Амер. Известия“ — не „Русские Известия!“ — вот где скрывается трусость наших господ-просветителей! Они, видите-ли — не анархисты, но именно просветители!!

Итак, чему научила нас практика? За пережитый нами период она научила нас следующему:— 1) Вожаки и руководители, за очень малым исключением, никогда не являются искренними борцами, готовыми пострадать за свои принципы или идеи; они, наоборот, всегда имеют в виду свои личные выгоды и интересы; 2) Идеи анархизма, зародившиеся не в кабинетах ученых, а в самых низах народных масс, не могут быть всегда восприняты той частью интеллигенции, которая, вместо того, чтобы слиться с массой, стремится сделаться ее вожаками; и 3) практика еще раз подтвердила правильность слов, сказанных некогда Михаилом Бакуниным, а именно: „Попробуйте обратить в социализм или анархизм дворянина, стремящегося к богатству, буржуа, желающего стать дворянином или даже рабочего, который всеми силами души своей стремится к тому, чтобы стать буржуа! Обратите настоящего или воображаемого аристократа ума, ученого, получеловечного, четверть-ученого, десятую, сотую часть ученого, которые все полны ученого чванства и часто, только потому, что имели счастье кое-как силить несколько книг, полны высокомерного презрения к безграмотным массам и воображают, что призваны образовывать новую господствующую, т. е. эксплуатирующую касту.

„Накакие рассуждения, никакая пропаганда никогда не будет в состоянии обратить этих несчастных людей. Чтобы убедить их, существует одно только средство: это — уничтожение самой возможности существования привилегий, всякого господства и всякой эксплуатации; это — социальная революция, которая сметая все, что составляет неравенство в мире, делает их нравственными, принудив искать счастья в равенстве и солидарности.

„Иначе обстоит дело с действительными рабочими. Под действительными рабочими мы подразумеваем всех тех, которые действительно задавлены бременем труда, всех тех, положение которых настолько непрочное и

шено приступить к организации анархических групп не только среди русской рабочей колонии, но также и среди рабочих других национальностей, зная, что только общими силами всех угнетенных можно сломить упорство и силы общего врага. На этой конференции был поднят и решен и другой вопрос — вопрос об издании анархо-коммунистического органа. Товарищи делегаты пришли к единому согласному решению: издать ежемесячный анархический орган, каковой и выходит по настоящее время.

В конце апреля 1920 года состоялся первый съезд Анархо-Коммунистических групп С. - Ш. и К., положивший основание Федерации А.-К. Г. и признавший „Волну“ своим органом. И в настоящее время этот орган вполне удовлетворяет духовным запросам нашей Федерации.

Но что же дальше? Все-ли мы поддерживаем наш орган? Все-ли мы согласны в ведении нашей анархической работы? Все-ли товарищи пошли по избранному нами трудному, тернистому пути? Где наша передовая анархическая интеллигенция? Куда она ушла? Куда ушли те немногие наши работники, которые, до разгула черной реакции, призывали нас сплотиться под знамя анархизма? Куда они ушли? В подполье? О, нет! Они выбрали для себя более лучшее и, главное, обеспеченное место! Они нашли убежище в хороших, лояльных, законных организациях! И под сенью, под защитой тех законов, против которых они „в былые дни“ сами восставали, они в настоящее время развивают там свою „весьма полезную“ деятельность. И под защитой же худшего врага рабочих, г. Палмера, „бывшие товарищи“ приступили к изданию ежедневной газеты „Амерканские Известия.“ „Амер. Известия“ — не „Русские Известия!“ — вот где скрывается трусость наших господ-просветителей! Они, видите-ли — не анархисты, но именно просветители!!

Итак, чему научила нас практика? За последний нами период она научила нас следующему:— 1) Вожаки и руководители, за очень малым исключением, никогда не являются искренними борцами, готовыми пострадать за свои принципы или идеи; они, наоборот, всегда имеют в виду свои личные выгоды и интересы; 2) Идеи анархизма, зародившиеся не в кабинетах ученых, а в самых низах народных масс, не могут быть всегда восприняты той частью интеллигенции, которая, вместо того, чтобы слиться с массой, стремится сделаться ее вожаками; и 3) практика еще раз подтвердила правильность слов, сказанных некогда Михаилом Бакуниным, а именно: „Попробуйте обратить в социализм или анархизм дворянина, стремящегося к богатству, буржуа, желающего стать дворянином или даже рабочего, который всеми силами души своей стремится к тому, чтобы стать буржуа! Обратите настоящего или воображаемого аристократа ума, ученого, получеловечного, четверть-ученого, десятую, сотую часть ученого, которые все полны ученого чванства и часто, только потому, что имели счастье кое-как силить несколько книг, полны высокомерного презрения к безграмотным массам и воображают, что призваны образовывать новую господствующую, т. е. эксплуатирующую касту.

„Накакие рассуждения, никакая пропаганда никогда не будет в состоянии обратить этих несчастных людей. Чтобы убедить их, существует одно только средство: это — уничтожение самой возможности существования привилегий, всякого господства и всякой эксплуатации; это — социальная революция, которая сметая все, что составляет неравенство в мире, делает их нравственными, принудив искать счастья в равенстве и солидарности.

„Иначе обстоит дело с действительными рабочими. Под действительными рабочими мы подразумеваем всех тех, которые действительно задавлены бременем труда, всех тех, положение которых настолько непрочное и

жалко, что никому из них, исключая разве какиенибудь редкие случаи, не может да же придти в голову мысль добыть для самого себя, и только для себя, лучшее положение при существующих экономических условиях и в современной социальном среде стать, например, в свою очередь, хозяином или государственным советником. Мы включаем без условно в ту же категорию редких и благородных рабочих, которые, имея возможность возвыситься над рабочим классом, не хотят этим воспользоваться, предпочитая лучше выносить еще некоторое время, вместе со своими товарищами по несчастью, буржуазную эксплуатацию, нежели стать самим эксплуататорами.“ (М. Бакунин, Политика Интернационала).

Эти прекрасные слова Бакунина отно

сятся не только к аристократической интеллигенции, не могущей ни понять, ни защищать интересов рабочих, но также и к тем „борцам-просветителям“, которые были вместе с рабочими, проповедывали им идеи борьбы, идеи революции и анархизма, но в момент опасности оставили их, изменив вместе с тем своим старым идеям и взглядам. И пусть... пусть изменяют они великому идеалу анархизма. История пройдет мимо них... Мы глубоко верим, что грядущая социальная волна, разрушая на своем пути все гнилые, отжившие формы жизни, сметет вместе с тем и последние остатки изменнической интеллигенции и приведет нас к победе нашего светлого идеала — Коммунистического Анархизма.

А. Л.

К ЮБИЛЕЮ БОФОРДЕВ

Вот и год уже прошел,
Как „Борфорд“ в Россию шел.
Стражи было целый стан,
Для примера других стран.

Что, мол, вот наша свобода,
Дана для всего народа,
А кто хочет правду знать,
Сейчас Палмера позвать.

Тот талант большой имеет.
Издавать приказ сумеет,
Всех кто правду хочет знать,
За решетку сейчас взять,

Там, поверите, уж вы,
Вас окружают эти львы.
Мучат голодом терзают,
Строги меры принимают,

Все расспрашивают, да пижут,
И как, звери дики, рышут...
Как заметят чтонибудь,

Так про все тогда забудь!

Но все это описать,
Много времени нужно взять
А у нас теперь юбилей,
К нему вернемся мы скорей

И „Борфордам“ честь дадим,
А кого в тюрьме вспомним мы,
Бодрым духом сами будем,
От „Борфордцев“ не отстанем!

Будем дружней и смелей.
В рати многочисленной своей,
И проводить любовь и братство,
И уничтожить людей нахальство.

Прочь, гнилое все с дороги,
Кровопийцы вы, двуноги,
Пусть живет свобода, братство
И в руках их все богатство.

Е. Б

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

ДИТЯ — БУРЯ.

Была бурная ночь.

Страшный распутившийся вихрь опрокидывал много старых зданий и с корнем вырывал крепкие деревья, грозя опустошить всю страну.

И в эту ночь родилось оно — дитя.

Кто был новорожденный; кто были его родители; откуда он происходит, — этого ни кто не знал. Дитя это было найдено в одном селе, и все сельчане считали его своим ребенком.

„Дитя-Буря — вот как все называли его. И люди рассказывают, что в то утро, когда ребенок родился, солнце было особенно красное, огненное и оно распустило далеко свои кроваво-огненные лучи света.

Вскоре дитя-буря стало известным по всей окрестности, и много любопытных зрителей прибежали поглядеть на это дитя. Люди удивлялись, люди были поражены, ибо уже на третий день после рождения ребенок стоял на своих маленьких ножках; чрез две недели он уже был в силе бегать, а через три месяца он был в состоянии говорить, говорить настоящим человеческим языком!

И говорил этот ребенок не как другие дети „папа, мама,“ как бы зная, что у него нет родителей... Ребенок начал говорить, как старый, опытный человек! Нет, редко приходилось слышать такие речи от обыкновенных старых людей. Но что всего поразительнее это — толковые и определенные слова, которые исходили из уст этого необыкновенного дитяти. Ребенок рассказывал о каком-то новом, неведомом, счастливом мире, где всегда светит яркое теплое солнце и где люди, все люди пользуются всеми благами жизни.

Но не верили люди в этот светлый идеал нового общества, и, однако, они все с интересом прислушивались к чудесным словам ребенка. Многие из них были до того воодушевлены речами ребенка, что стали поки-

дать свою работу и забыли о своих старых обязанностях...

В это время, кулаки-помещики из окрестных деревень и сел, узнав об этом страшно для них дитяти, поспешили выгнать его из села. Помещики увидели, что их земля не обрабатывается больше крестьянами, что мельницы остановились и магазины начинают пустеть, — во всем этом они винили ребенка. Но выгнать его из одного села не значит выгнать его навсегда и из всех мест!

Что же делать? Помещики порешили и старом — выгнать ребенка из села.

Но как скоро дитя-буря узнало о зате своих врагов, оно исчезло. Но это исчезновение ребенка не принесло спасения помещикам. Крестьяне по-прежнему собирались и толковали все время об этом удивительном ребенке и о новом, счастливом обществе, о котором он им всегда говорил.

В городе, где дитя-буря сейчас находилось, было не лучше, чем в селе или деревне. Все фабрики и заводы закрылись. Рабочие побросали работу, высыпали целыми группами на улицу, чтобы послушать ребенка.

Массы с восторгом и воодушевлением слушали ребенка: все его слова, выражения вызывали одобрение и согласие людей. И с течением времени за ребенком пошли большие, тысячные толпы рабочих и крестьян.

Ужас охватил капиталистов, когда они узнали об этом „страшном дьяволе,“ как они называли дитя-буря. И они также, как и помещики, решили избавиться от этого „дьявола.“ Задумали они такой план очень легко, но за то исполнить его было трудно! Сегодня дитя-буря в одном городе, в одном месте, а завтра — в другом. Сегодня оно в одной стране, а завтра — в другой. Как же его поймать?

Но вот неустанные враги придумали другой план. Они расставили на всех погранич-

ных местах стражу, укрепили свои крепости, увеличили свои армии, — все для того, что бы скорее захватить в плен ребенка. И их дьявольский план увенчался однажды успехом.

Из одного места пришла весточка о том, что дитя-буря поймано, заковано в тяжелые железные цепи и посажено в тюрьму; из другого места — другая весточка, дитя-буря поймано и повешено на одном дереве; из третьего места — третья весточка: дитя-буря найдено в лесу растерзанным на куски хищными зверями. Но в это время, как помещики и капиталсты „освободились“ та

ким страшным образом от „страшного дьявола“, — некоторые люди стали распространять другую совершенно новую весточку о том, что они ведали дитя-бурю на одной высокой горе, откуда он произносил свои горячие речи к толпе, к массе, стоявшей у подножия горы. И как только масса зашевелилась, заволновалась в своем великом восторге от смелых зажигательных речей ребенка, последнего не стало... И до сих пор никто не знает, где покоится это удивительное и великое дитя-буря....

Пер. Л. Липоткин.

(„Воркерс Френд“, май 1920)

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Одним из девизов интернациональной буржуазии, в той великой войне, последний акт которой мы теперь наблюдаем, был один из знаменитых „14 пунктов“ Вилсона, пункт о самоопределении национальностей. Как и всегда удавалось тем, кому всегда все возможно, девиз этот был успешно привит широким слоям пролетариата: со всех сторон и отовсюду посыпались вести и новости о создании „польских“, „еврейских, чехословацких легионов“, готовых идти умирать за принцип „самоопределения национальностей“.

В мире существует два класса, противоположных друг другу, вечно враждующих друг с другом, борющихся не на жизнь, а на смерть. „Мы не предписываем законов“, мы лишь устанавливаем факт.

Факт, что на все явления жизни нам приходится смотреть сквозь призму классовых борьбы. Только классовая борьба может служить нам верным мерил в разрешении тех или иных вопросов, которые жизнь ставит перед нами.

Часто, очень часто, удавалось буржуа

зии задача отвлечения внимания рабочих от классовых бор'бы. При помощи желтой прессы, классу угнетателей всегда удавалось заинтересовать рабочих в чем нибудь, отвлекавшем их внимание от разрешения „проклятых вопросов“ экономического и социального неравенства. „Разделяй и властвуй!“ было всегда девизом цезарей от капитала и власти, в их задаче порабощения пролетариата. И, если за последние годы, в среде рабочих всего мира и замечались стремления остановить разного рода „политику“ в стороне, с целью отдалиться всецело разрешению „проклятых вопросов“ — то успех буржуазии, в ее попытках привить пролетариату идею о „самоопределении наций“, показывает, что завершение этих стремлений, рабочим в целом, несомненно не удалось еще пока.

Эту победу буржуазии можно объяснить как угодно. Нам кажется, что кроме фактора несознательности здесь есть кое что иное, ибо, наряду с бессознательными рабочими, вы можете встретить массы „сознательных рабочих“, верящих в этот принцип. Разберем этот вопрос поглубже; постараемся най

ти основы его апелляций к массам и посмотрим на характер его сквозь нашу призму — призму классовой борьбы.

История человека творится сообразно с теми препятствиями, которые он встречается на своем пути. Препятствия эти как показывает история, являлись различно различным группам; и в их способах борьбы с препятствиями лежит разница между ними.

Только та группа, которая прошла через долгий исторический процесс совместного разрешения своих задач, совместного деления общественного горя и счастья, и выработавшая, в этом процессе, общие традиции и общие стремления, — может быть названа нацией; да и то только тогда когда группа эта проникается самознанием своей национальности; когда, подобно древнему изречению группа может, воистину, сказать: „чувствую что существую.“

Откуда же это чувство „национального самознания?“ Откуда этот дух объединяющий и оживляющий тело?

Во всех группах современного общества есть два класса: буржуазия и пролетариат. Цель класса капиталистов продолжать свое наслаждение властью и мировым богатством. Задача его, по пути к достижению этой цели — держать класс пролетариев в рабстве, подчинении, невежестве, страхе и угнетении. Цель пролетариата — самоосвобождение и уничтожение классов. Его задача, по пути к достижению этой цели — борьба против капитала, вплоть до уничтожения его.

В своей борьбе против пролетариата, буржуазия считает все средства хорошими, и, имея все преимущества на своей стороне, не только государство, церковь, школу, как и другие институты современного строя, но даже и науку — не говоря уже о прикладной науке, которая в современном строе помогает буржуазии угнетать и эксплуатировать пролетариат, — даже отвлеченная наука, всегда хвастающаяся своей независимостью и безпристрастностью, находится на стороне капитала. Естественно, поэтому, что все в совре-

менном обществе, отравлено ядом капитализма с определенной целью — поработать пролетарские массы.

Носителем специфической культуры данной группы является во всех случаях пролетариат; капитал всегда — интернационален и даже космополитичен, и только, повинаясь „духу времени“ начинает признавать национальные или государственные границы.

А раз буржуазия тоже начинает любить „свою“ культуру, то, в результате, и счастье все „объединение“ двух непримиримых врагов и мир со спокойствием...

Но вся национальная культура старая. Всемирная культура всегда обгоняет и превосходит культуру национальную, как превосходит целое свою часть.

В результате любви „своего“ получается любовь и уважение к старому, разжигаемое „нашей прессой“ до ненависти ко всему „чужому и новому.“

В современном обществе, построенном не на свободе и солидарности, а на конкуренции (соревновании) и угнетении, понятие о личном удовлетворении совпадает с угнетением другой личности. Что вредно по отношению к личности, то верно по отношению к группе. В результате этой истины мы наблюдаем в жизни концентрированную организацию эгоизма группы, что выливается на практике в стремление к своему государству. И в удовлетворении этого стремления или углубления и расширения его до наивысшей точки хотения и заключается сущность следящего заявления „нашей“ прессы.

„Наикрепчайшей гарантией против большевизма в Центральной Европе может быть успех принципа национализма.“ Понятно, что под „большевизмом“ здесь подразумевается всякая идея с революцией, стремящейся к уничтожению современного строя и к устройству общества на новых началах.

Итак, мы видим, что в современном обществе национальное чувство превращается или вернее, извращается, теми, кому это вы-

годно, в стремление к собственному государству. Но мы хорошо знаем, что такие стремления, как и всякие другие, приобретают ценность, выражаясь научным языком президента Вилсона, лишь тогда, когда позади них стоят могучие силы общества, т. е., в современном обществе, построенном на силе денег, как выразителей системы частной собственности, когда позади них стоит буржуазия. Но мы уже видели, что задачей буржуазии является угнетение пролетариата. Следовательно национальное самосознание и есть одно из новейших изобретений

капитализма для угнетения пролетариата. Ибо, выражаясь в форме стремления группы к „своему“ государству, которое основано, как и все государства, на силе, оно дает новую возможность капиталу управлять, а где власть, там и гнет. Гнет, необходимый капиталу для достижения его цели — наслаждения жизнью. Не будем же распространяться о государстве, ибо факт отречения пролетариата от государства показывает его несомненный вред для всего человечества.

Автор.

Об об'единении

Прикрываясь тогой анархизма, некоторые карьеристы не перестают вести в анархических организациях кампанию за об'единение рабочих против капитала. Цель, безусловно, благородная, ничего не может быть отгаднее, и выгоднее для рабочих, как об'единиться, и общими силами стряхнуть иго паразитов. В таком смысле анархисты никогда не против об'единения; их главная цель, чтобы рабочие всего мира представляли из себя единую братскую семью. Как доказательство служит то, что анархисты являются яркими противниками всякой власти, какой бы она не была, ибо власть неизбежно изолирует человека от человека. Она своими постановлениями берет личность как бы под свое покровительство, ставя тем самым грань между личностями. Она берется защищать интересы, каждой личности в отдельности, вынуждая таким образом последнюю во всех ее проявлениях неизбежать посредничества власти. Власть — посредник между личностями, а где есть посредничество, там существует изолированность, там нет, и быть не может единства. Следовательно, не анархизм, а элемент, ратующий за власть, является тормозом к об'единению рабочих. Анархисты

же, стремящиеся к уничтожению всякой власти, первые проводят в исполнение заветную мечту: об'единение общества, об'единение не фиктивное, а самое точное, не посредственное, исходящее из чувств самой личности. „В единении сила“, — вот девиз, гордо красующийся на знамени анархизма! Но как об'единиться? Где? На каких основаниях? И с какой целью? Ответом на все эти животрепещущие вопросы, у анархистствующих об'единителей исчерпывается все тот же дрябленький аргумент; об'единиться для борьбы с капиталом. И больше ничего! для борьбы с капиталом! Знает ли история случай в борьбе труда с капиталом, где бы анархисты принимали пассивное участие, или совершенно игнорировали борьбу? Кто больше анархистов принес жертв на алтарь классовой борьбы? Кто первыми погибли от ударов врага? В то время когда все возможные фракционные ренегаты вели прения о гегемонии, анархисты, полные сил и отваги, падали за благо обиженных, под безпощадным мечем капитала. И при стечении таких обстоятельств, находятся люди прикрывающиеся именем анархизма, и дерзающие в рядах последнего искать корень антагонизма, сепаратизма, и т. д. Поистине ребячес

кая логика! Однако не смотря на всю непрактичность вопроса, приходится более соответствующим образом вникнуть в смысл его значения; необходимо уяснение самых тончайших деталей, способствующих раз'единению общества вообще, рабочих же в особенности. Обыкновенным ответом на это, является вся нынешняя система. Но подобный ответ носит поверхностный характер, внутри же он заключает бессмысленное множество направлений, предрассудков, среди которых на первом месте стоят религия и патриотизм. Религия, помимо того, что она делает человека тупоумным, покорным рабом своих владык, и послушным ослом своего эксплуататора, — она строжайше требует от своего последователя полного неприкосновения к инаковерующим, (а религиозных течений в наш век есть больше чем нужно) не считая уже совсем неверующего. Да же тогда, когда сложившиеся обстоятельства требуют полной спаянности, ставя вопрос о жизни и смерти, даже в такие минуты слепой фанатик религии сторонится инакомыслящих, губя тем самым себя и других. Патриотизм не хуже религии, делит общество на множество наций, так часто вступающих в борьбу...

На почве патриотизма или религии не может быть об'единения, ибо в последней доминирующая роль принадлежит чувствам, в первом же грубости и призранию. Но помимо этих так называемых общественных или групповых раз'единений, существуют и чисто личные раз'единения, это денежная система, под влиянием которой человек становится корыстолюбивым и лицемерным. Далее, существует еще множество других причин, не позволяющих об'единению общества. Итак, видно, что анархизм ни одну из них не только не защищает, но стремится к самому скорому, и окончательному их уничтожению. И как же тут можно среди анархистов вотировать за об'единение, когда вся тактика анархизма направлена к уничтожению всего того, что мешает об'единению об-

щества? Как можно не постыдиться открытого уста, призывая анархистов к об'единению, для борьбы с капиталом, в то время когда всякая классовая борьба происходит при участии анархистов? Как, гг. „об'единитесь ли? Анархисты борются везде и всюду, где только для этого представляется возможность, и стараются, как можно глубже, как можно смертельнее нанести удар врагу рабочего класса капиталу. Анархисты не хотят вырвать власть из одних рук и передать ее в руки других, чтобы потом эти последние, с своей стороны, принялись за угнетение рабочих. Нет, не заменой, не обновкой, а уничтожением власти положен будет предел насилию, а это может быть достигнуто лишь тогда, когда победа совершится под знаменем анархизма! Стремясь к достижению этого, анархизм должен **самостоятельно** крепнуть, развиваясь все шире и шире и охватывая народные массы, а не идти на компромис, не только с какими то мнимыми друзьями рабочих. „Лучше смерть, чем жизнь раба.“ Произнося это, анархизм не должен обманывать себя, а тем паче не должен разочаровывать рабочих в надежде на светлое будущее. Идея анархизма находит живой отклик в сердцах рабочих, лишь до тех пор, пока она чиста, пока она незапятнана, пока она своим ярким светом, даже не вполне сознавшему рабу указывает на все несправедливости существующего строя. Рабочие борются, страдают, и даже жизнь отдают за осуществление такой идеи. Но когда скоро идея анархизма начнет сливаться с какой то туманностью, с какой-то неопределенностью, начнет меркнуть в окружающей атмосфере, тогда рабочие увидят, что они своими лишениями и муками доставляют благо кому-то, не себе и само собой разумеется, у них неизбежно появится разочарование и недовольство в том, что их манило гдаль, т. е. к идее анархизма. Или быть чистым и своей чистотой привлекать к себе обездоленных рабочих, или же загрязниться и тем оттолкнуть от себя уже имеющих

последователей — вот дилема, стоящая перед анархизмом. Выбор кажется ясен. Но увы! При всей ясности, при всей определенности, находятся лица, по своему ли заблуждению, или в силу своего лицемерия грезящие об едином фронте. Примером, как и всегда в таких случаях, ставится Россия. „В России, — твердят „обединители,“ — все радикальные элементы, обединились в один фронт, для борьбы с буржуазией; там анархисты рука об руку с большевиками с.тр. и др. борются с контр-революцией, а поэтому и нам здесь в Америке необходимо обединиться.“ Все это со стороны анархистов казалось бы смешным, если бы не было серьезным. Наличие факта обединения рабочих в России нельзя отвергнуть, но также нельзя не учитывать и последствий этого обединения. Этот эксперимент, в лишней раз может доказать наивным анархистам, как легко, и скоро они своей сантиментальностью могут приготовить плетень для себя. Не успели газеты хорошенько передать об обединении армии Махно, с красной армией, на что с таким восторгом ссылаются анархистующие обединители, как вдруг появилось сообщение о ликвидации армии Махно. Вот тебе, бабушка и Юрьев день! Не успели обединиться, как уж и ликвидация на лицо! Можно допустить, что это не важно, что это неизбежная последовательность, можно думать, что армия Махно, покончив с бандами Врангеля, и без большевистской ликвидации должна была бы разойтись по домам. Как это не естественно, но далеко не логично с точки зрения анархизма. С уничтожением Врангельской авантюры, цель анархизма далеко еще не достигается, основываясь даже на принципе, „вместе бить, но врозь идти.“ С победой над Врангелем армия Махно не должна была расходиться по домам, а как раз, наоборот. И к тому же, на сколько может быть смысла анархисту изгонять Врангеля лишь для того, чтобы там засели ему подобные только в ином цвете? Следовательно, но, армия Махно, после победы над Вранге

лем, не могла еще расходиться по домам, если же она это сделала, то сделала не по своей воле, а по требованию Его Величества Комиссара. До тех пор, пока армия Махно была самостоятельной, она не считалась с приказами комиссара Троцкого, но коль скоро она обединилась с „его“ армией, она вынуждена была подчиниться ему, так как подавляющее большинство „обединенной“ армии оказалось на стороне большевиков. Вот тут то и выясняется весь вред подобного обединения, это не обединение, а присоединение, с одной стороны, и подчинение, с другой. Если уж анархистам, в силу того, чтобы спасти революцию, необходимо было пойти на компромисс для обединения с большевиками, тогда спрашивается, почему же со стороны большевиков нельзя было сделать этого? Ведь они тоже рисковали потерей революции из-за разединения? А что большевики этого не сделали, и не желали сделать, видно из того, что они все время, со дня своего восшествия на престол, практикуют самые ужасные гонения на анархистов. Ночью оцепиваются анархические клубы; люди расстреливаются из пулеметов; литература разбрасывается и т. д. Нужны ли здесь комментарии? Это уже слепому становится ясным, что большевики не желают обединиться с анархистами; они отряхивают от себя всякое сближение с анархистами. Но почему же анархисты должны жертвовать даже своей жизнью, ради того, чтобы обединиться с большевиками? Вот уж этого никак нельзя понять! Неужели анархисты должны быть ангелами, или какими то глупыми аскетами, чтобы посредством плотских страданий на этом свете получить блаженство на том свете? Кажется, что нет, кажется, что идеал анархизма, учит совершенно противоположному. Действительно, идеал анархизма ведет в сторону обединения всех рабочих, но обединение это может быть достигнуто, не посредством компромиссов, и сантиментальности, а посредством борьбы! Только тогда, когда будет расторгнут пос-

ледний оков цепей рабства, когда будет упразднена последняя форма власти человека над человеком, только тогда возможно будет объединение в полном смысле этого слова! До этого всякое объединение, всякий единый фронт, не могут соответствовать своему названию. Только наивный легковер может предполагать, что анархисту свойственно своей грудью защищать привилегию большевиков, или, что большевик будет биться за торжество идей анархизма. Ничего подобного не может быть! Напрасно гг. объединители распинаются пред анархистами, доказывая последним целесообразность объединения и призывая их к таковому. Подобная агитация среди анархистов неуместна. Анархисты прекрасно учитывают всю важность значения объединения, и они идут к этому, но они ни в каком случае не могут поступить так, как поступили их товарищи в России, которые своей грудью не раз разбивали угрожавший революции, южный фронт, и впоследствии, как результат объединения, вынуждены были, или подчиниться сапогу к миссара, или быть упраздненными. Здесь уже, помимо идейных воззрений, самая обыкновенная логика говорит, что анархисты своими муками, своими страданиями и лишениями, не могут и не должны защищать власть своих идейных врагов — большевиков.

Анархизм не мифология, а реальность, а потому его последователи должны действовать всегда во имя своего идеала. Рабочие же многое обещали в будущем: попы им предлагали места на небе; капиталисты твердили, что впоследствии и рабочие могут стать капиталистами; большевики тоже обещают, что в будущем, когда рабочие достаточ-

но созреют, будет падать мана с неба, — только анархизм говорит, что каждый рабочий, какой бы он не был и где он не был, имеет полное право пользоваться всем тем, что ему необходимо! Но для того, чтобы достигнуть этого, необходимо уничтожить все препятствия. Уничтожить же все зло существующего порядка, как это видно из действительности, можно только силой, сила же анархизма может заключаться лишь в самостоятельном развитии, а не в присоединении к уже существующей противонархической силе. В последнем случае сила анархизма не крепнет, а ослабляется. На протяжении всей своей истории, анархизм, подвергался и подвергается, самым жестоким, и самым безпощадным гонениям, со стороны своих безчисленных врагов, а поэтому, как общее правило, на насилие анархизм, должен отвечать тем же насилием. Вся мощь анархизма заключается в сопротивлении, ибо у него нет армии, которая бы его защищала, у него нет полиции, которая бы арестовывала его противников, у него нет судей, которые бы судили его ослушников. Поэтому сила анархизма заключается в самостоятельности каждой личности, и личность, как таковая, должна действовать вполне автономно, не подчиняясь какому бы то ни было контролю свыше. А может ли это быть при объединении с большевиками? Нет! — отвечаем мы. Большевики вообще, в России же в особенности, никогда не хотели, и не хотят объединения с анархистами, а требуют от последних самого беспрекословного и слепого подчинения, что равносильно, с точки зрения анархизма, закабалению личности, а вместе с тем и поражению революции!

Ю. Карпик.

ОТВЕТ А. ГОЛУБЕНКО

(Автору кор. анархо-бындиты, помещенной в украинском журнале „Молот.“)

Мне не хочется поднимать полемику с г. Голубенко и др. подобными ему. Г. Голубенко вместо того, чтобы доказать правоту

своей партии, то бишь большевиков, лезет грязь и ругань по адресу „анархо-бандитів“. Я не буду защищать тех, с которыми Голубенко имел дело; но я беру всю его „кор.“ и вижу, что Голубенко сильно заблуждается.

Ложно и не обдуманно нападать на анархистов. Как видно, Голубенко не следил за газетными сообщениями, не следил и за ходом русской революции и т. д., что доказывает сама его корреспонденция. Даже не следовало бы обращать внимания на столь ничтожную кор. с его руганью. Только лишь ругань Голубенко пустил в ход, но никаких доказательств нет.

— ... Ця ганебна кучка опоганюэ, обплъуе здобутки революційного пролетаріату Россіі і України. Вони сичать гадючеюनावистю против Рядянс. Россіі і України.“ — Сколько глупости и бессмыслицы Г-ко пускает здесь „опльовуе здобутки револ. пролетаріату“ (!). Одумайтесь Голубенко, что вы порете за чушь? Анархисты „плюют“ на русскую революцию? Кто же первым пал в бою с контр-революционерами? Не анархисты ли? Ваши комиссары были еще за границей, а анархисты уже падали от пуль контр-революционеров. Г-н Голубенко осмеливается допустить столько глупости и ложных нападок против анархистов. Следил ли за событиями г. Голубенко? Если бы он, если следил за ходом революции, то он мог бы видеть много противоречия в своей же кор. Что анархисты „плюют“ на русскую революц., это ложь и неоснована ни на каких доказательствах. Анархисты всегда первые падали на баррикадах, в то время, как большевики занимали комиссарские должности. Анархисты старались и стараются не дать остановиться революции, а углублять ее. Доказательством служит анархистические партизанские отряды, в тайге и во многих др. местах, которые вели отчаянную борьбу против банд Семенова, японцев и других контр-революционных сил. Это уже доказывает, что анархисты не плевали на русскую революцию, а являлись ее друзьями, ибо анархисты знают, что человек будет свободен только тогда, когда сбросит оковы рабства, как экономического, так и политического.

Анархисты стремятся разрушить государственный „цирк с его клоунами.“ Боль

шевики, напуганные такими действиями, начали громить анархистические клубы, арестовывать анархистов. Все методы были приняты, большевиками против анархистов.

Вот ведрержка из газеты „Пур ля Руси“ — „Это произошло как раз в тот момент, когда большевики, напуганные все усиливающимся влиянием анархистов, начали вести против них открытую борьбу“.... — Чего им бояться? Что заставило их бояться распространения анархизма? Боялись ли они, что бы русская революция не провалилась? Сами же ее провалили, обивая пороги союзным государствам. Нет, они не боялись, что революция может погибнуть, они боялись, распространения анархизма среди крестьянства.

Вот, что их страшит. Также им страшно на крестьянская армия, во главе с Махно, которая боролась против всех контр-революционеров, а так же и против политических „клоунов“. Голубенко, не разбираясь ни в чем, пустил в ход ругань, по адресу анархиста Махно. Нападать же на Махно,зная его деятельности — абсурд. Этим, сам человек заблуждается и других вводит в заблуждение. Если писать о каком нибудь предмете, то надо его знать хорошенько! Советую Голубенко, углубиться в значение анархизма и тогда ясно станет для него действие Махно. Тогда не будет столько ругани по адресу анархистов и Махно. — „Геть Махнівців! Можно ли ругать Махно за его деятельность, когда Махно разбивал все контр-революционные банды, убил атамана-бандита Григорьева, помогал большевикам очистить Украину от разбойничьих банд Деникина и т. д.? Можно ли назвать его „агентом Пильсудского“, когда он говорил крестьянству — „устраивайте свою жизнь, как сами хотите. Над вами нет власти, организуйте свободно ваши советы. Долой комиссаров и слуг царя.“ — Это уже доказывает, что анархисты или Махно не являются „агентами Пильсудского.“ Как это понимает ложно Голубенко. По больше бы нам таких „контр-революционеров.“ Да здравствуют Махновцы!!

Махно, как гордый революционер не до бивается признания его со стороны капиталистических государств, а действует просто и гордо, за что его большевистское правительство поставило вне закона. Кто здесь контр-революционер? Тот ли, кто углубляет революцию, или тот, кто ее останавливает?

Видно, для Голубенко слово — контр-революционер — непонятно. Он не обращает внимания будет ли оно соответствовать действительности, или нет. Для его лишь бы „ляпнуть.“ Контр-революционер — тот, кто

идет против революции и тормозит ее; но Махно же не может быть таковым, ибо он не противник революции. Он призывал крестьян бороться за полное освобождение, как от царских причников, так и от политических „клоунов“. Видно Голубенкам не по душе такие люди. Голубенко за власть над другими; но ни в коем случае над собой не хочет иметь ее.

Перестаньте же гг. Голубенки лить грязь на честных и не поколебимых борцов.

3. Дубеец.

Отношение Большевиков к анархистам

(Письмо из России)

Я оставил Россию около 6 месяцев тому назад, т. е. в половине 1920 г. Я побывал в таких городах, как Екатеринослав, Харьков, Самара, Москва и Петроград. И мне хочется здесь писать немного о наших товарищах в этих городах и о том, как „огносятся“ к ним большевистское правительство России.

Будучи весной прошлого года в Самаре, я узнал, что все наилучшие товарищи-анархисты арестованы здесь и сидят в тюрьме уже несколько недель. В июне месяце мне пришлось быть в Харькове, где я виделся с некоторыми товарищами, которые передали мне, что в этом городе большевики расстреляли 10 анархистов за то, что они созвали конференцию рабочих и крестьян с целью начать работу на синдикалистических началах. Конференция эта была Троцким объявлена вне законной, и все делегаты ее были арестованы. 40 анархистов просидели в тюрьме, а остальные товарищи со дня на день ожидали ареста.

В начале июля месяца я поехал в Москву. Здесь сидят в тюрьме 48 анархистов, ко

торым приходится каждый день носить пищу. Среди этих арестованных товарищей находится и тов. Волин, известный всем, как замечательный лектор и пропагандист анархизма. Александр Беркман мне лично передавал, что он однажды обратился к председателю временной комиссии по искоренению спекуляции и контр-революции о том, что ему желательно видеть тов. Воина, — и ему было выдано на то разрешение. Но когда он явился в тюрьму, то его не допустили к тов. Волину. И когда А. Беркман жаловался самому Ленину, то последний ответил, что теперь необходимо строго беречь принципы диктатуры пролетариата.

Все эти и другие преследования анархистов со стороны советского правительства в России совершаются во имя той же диктатуры пролетариата, которая, в действительности является диктатурой над пролетариатом со стороны некоторых представителей большевистской партии.

Вот, как „относятся“ большевики к анархистам!

(„Фридом“ Лондон).

Яков Турк.

ПАМЯТ Д. ШВАРЦА

Когда судья федеральной палаты Соединенных Штатов Америки вызвал подсудимых для выслушания приговора над ними, то Моли Стаймэр, Эйбрамс, Ляховский и Липман встали вокруг стола, у которого они сидели вместе со своим адвокатом. Лица подсудимых товарищей были бодрь, и каждый из них носил красную розу и черную ленту на левой руке. И когда судья объявил им, что они приговорены к 20 годам тюремного заключения, они не пали духом, но, как честные борцы, пожали друг другу руку.

Только одно известие вселило в их сердца печаль. И это — смерть Джейкоба Шварца — их хорошего и интеллигентного товарища.

Шварц был арестован вместе со своими товарищами, членами из группы „Бура“ за печатание и распространение листов — прокламаций, в которых американскому правительству ставилось в обвинение ее позорное отношение к революционной России.

Много страданий пришлось выносить нашим товарищам. Их подвергали в течение нескольких часов разным пыткам. И это все только — за отказ указать, где находится т. пография, в которой печатались прокламации. И когда суд состоялся, то Шварца в живых уже не было. Он умер от нанесенных ему сильных побоев. Вскрытие тела показало, что поранение его сердца причинило ему воспаление легких, от чего он и умер.

Шварц приехал в Америку 10 лет тому назад из Одессы, где он принимал участие в анархическом движении. Он и здесь, в Нью-Йорке работал в анархических группах, и в одно время был членом редакционной коллегии, издававшей нелегальный анархический орган „Бура“.

Анархическое движение в Америке потеряло в Шварце одного из лучших работников, и к длинному мартирологу прибавилось еще одно имя, имя Шварца, известного в России как Черненко.

Б. Сернакер

(„Воркерс Френд“ — Лондон октябрь 1920)

К СВЕДЕНИЮ ТОВАРИЩЕЙ.

Корректурa в 11-ом номере „В.“ никем не просматривалась, и мы, поэтому, не ответственны за форму изложения помещенного в нем материала. Надеемся, что в будущем этого не будет.

Начиная с номеров 12-13, мы постараемся ввести в „Волну“ новые отделы: „Литература и Жизнь“ и „Спорные Вопросы“, о необходимости и полезности которых нам не приходится здесь много говорить.

Просим товарищей присылать материал.

Убедительно просим товарищей, присылающих статьи, корреспонденции, письма, отчеты и т. д., писать чернилами ясно и разборчиво и на одной стороне бумаги.

В противном случае мы не ручаемся за размещение присылаемого материала.

Товарищи! Нам нужны средства для дальнейшего издания нашего органа.

Помогите нам!

Редак. Коллегия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА.

Наши товарищи приступили к изданию ежемесячного анархистического органа — „Свободное Общество.“ Приветствуя такое начинание, мы рекомендуем нашим товарищам поддерживать „Свободное Общество“, способствуя его распространению среди русских рабочих.

До сих пор вышли 1 из номера этого органа.

Ред. Кол. „В.“

В НАШ ОРГАН.

Товарищи! Узнав, что наш орган „Волна“ нуждается в материальных средствах, мы, группа А. К., спешим ему на помощь и посылем свою лепту в сумме 24 дол. Мы обращаемся ко всем нашим товарищам, ко всем сознательным рабочим с призывом поддерживать наш орган материально и морально.

Мы убеждены, что „Волна“ является лучшим и единственным органом среди всех остальных русских органов, выходящих в этой стране. И поэтому, необходимо его поддерживать и, главное, распространять среди широких русских трудящихся масс.

За работу же, товарищи!

Группа А. К. Е., Н. Д.

ОТЧЕТ.

Федерации А.-К. Г. от 28 нояб. по 1 янв. 1921

Приход

Выручено за ор. „В“

От г. Чес—ра	62.25
„ Нью—ка	50.00
„ Фил—и	31.68
„ Нью—ка	39.00
„ Кли—да	83.00
„ Фил—и	27.00
Взаимообразных	155.00

Итого 447.93

Добровольных пожертвований на орг. „В“

От Р. О. гор. Н.	25.00
От труд. Сем.	21.25
От г. Крум—и	10.00
От Чест—ра	28.00
От Трен—а	9.00
От Лин. С. ном. 2, Аью—а	7.17
От г. Фил—и	50.00
От Кл—а	58.85
От Балт—и	42.50
От Гарт—а	50.00
От Стенф—а	5.25
От Кен—а	52.00
От Роч—ра	23.55
От Ну—ка	50.00
От Ел—ра	24.00
От Тр—а	2.40
От тов. Ж. и Ж.	16.00

Итого 474.97

Выручено за литературу —

От г. Роч—ра	71.25
„ Гар—да	54.00

Итого 125.23

Расход.

Печат. 11 номера „В“	395.00
Перес	46.39
Прис. лит.	39.80
Жал. рабочего за две недели	60.00
Возвращено заимообр.	155.00
Поч. расходы и бумага	9.60
Пос. дел. в Балт.	8.25
Пр. дел. по делу „В“	16.00
Выдано лит. ком.	100.00
Пере. р и.	15.00

Итого 845.04

Общего приходу 1048.13

Общего расходу 845.04

Остается в кассе на 1-е янв. 1921 г 203.09

Ревиз. Ком.

Примечание: В 11 номере „В“ было упомянуто о 32 дол., пожертвованных тов. Ж и Ж, но помечено было только 6 д. Ошибка исправлена нами.

Р. Колег.

ОТЧЕТ.

Филадельфийского района от мар. до 1 нояб.

Приход

Выручено за литературу	291.34
Взаимообразно	885.00
Добровольных пожер.	181.00
Выручено за жур. „В“	414.15

Итого

1771.49

Расход

Возвращено взаимооб.	105.00
На издание литер.	1067.02
Мелкие расходы	12.31
На издание жур. „В“	434.90
Пересыл. „В“	120.56

Итого

1739.79

Всего приходу

1771.49

Всего расходу

1739.79

Итого в кассе

31.70

Проверила ревизионная комиссия.

С. К.

А. Ч.

И. К.

А. Б.

КАССОВЫЙ ОТЧЕТ

Районного секретаря г. Кливланда.

Добровольных пожер. от тов. Мур.	5.00
„ „ Бин.	1.00
„ „ на „В“	2.00
За номер 9-10 „В“	8.00
К. за „В“ 9-10	10.00
Гр. Кл. за „В“ 9-10	8.00
Добр. пож. Ф. А.	5.00
Добр. пож. Мур.	.35
Добров. пож. от С. 11 „В“	50.00
Ювк. за „В“ 9-10	16.00
Нью—к „	10.00
Кл. г. за „В“ (3)	14.00
Кл. г. за „В“ (1)	12.00
„ „ (4)	5.00

Итого

141.85

ОТЧЕТ

Литературной ком. с 1 янв. по 26 сен. 1920 г.

Приход

От Чес. и Ф.	860.00
От М.	395.00
От Ш.	300.00
От Л.	9.00
За Мак.	369.92
От Б.	4.50
От неизвестного	12.50
От К.	50.00
От Л.	21.30
Взаимообраз.	50.00
От Федер.	500.00

Итого

2572.31

Расход

На издание Мак.	980.29
На перев. Мак.	28.00
За экспр.	10.00
За упаковку	8.00
Квартир.	50.00
Бум. и вер. на упак.	3.05
Переп. Х. и В.	124.50
Две книги для каз.	1.15
На издан. Р. Б.	1436.72
Упаковка	9.00
Квар.	20.00
На Умира. Об.	25.00
Перев. набора	10.00
Перев. книг	15.00
За экспресс	39.40
Возвращено заимообр.	50.00

Итого

2810.11

Итого приходу

2572.31

Всего расходу

2810.11

Дефицит

237.80